

TM

№ 4 (71), 7 марта 2006 г.

8

Даже с 35-летним опытом считаю, что допрос эксперта в суде является самым ответственным и сложным видом судебно-медицинской деятельности. Одно дело проводить исследование и составлять выводы в «домашних» условиях. Другое – отвечать на вопросы всех участников судебного заседания в темпе живой дискуссии. Такой ответ является для судебного медика процессом, в котором выделяют следующие этапы:

1. правильно услышать вопрос, как буквально, так и заложенную в нём подоплеку, тенденцию, направленность;

2. сформировать ответ, мысленно «проиграв» возможные варианты;

3. произнести ответ вслух, не спеша, «врастяжку», избегая медицинских терминов, то есть так, чтобы он был понятен слушателю любого интеллекта. И секретарь судебного заседания успела занести его без искажения в протокол. Иначе она может написать такое...?! Однажды в уголовном деле, вернувшись из Москвы с указанием о проведении комиссионной экспертизы, прочитал запись собственного выступления в областной инстанции. Трудно поверить, что до такой несурзаицы можно исказить слова специалиста. Поэтому в наиболее важных случаях предпочитаю передавать суду ответы в письменном виде для приобщения к материалам дела.

На качество ответов влияет время между первым и вторым этапами. Со временем выработалась масса приемов, позволяющих создать благоприятную паузу для обдумывания и, следовательно, снижения «ошибаемости».

За годы работы в судах накопилось много наблюдений. Спешу поделиться с Вами, читатель!

КРОВОПОДТЁК

Первый вызов в суд, что первая любовь. Волнуюсь, как перед первым свиданием...

А причина приглашения специалиста оказалась самой заурядной. Повреждение, возникающее от ударов нападавшей стороны, расценивается как причиненное умышленно. При избииении потерпевший падает, и от контактов с предметами окружающей обстановки возникает повреждение, иногда более тяжелые, чем от непосредственных ударов нападавшего. Эти повреждения расцениваются как причиненные по неосторожности. Уголовная ответственность за неосторожное преступление меньше, чем за умышленное. Поэтому у бывалого преступника всегда возникает желание выдать более серьезное повреждение за неосторожное, то есть полученное при падении.

Адвокатесса, по ходатайству которой я был приглашён в суд, озадачила меня именно этим. Предстояло разделить повреждения на полученные:

1. от ударов тупым предметом (кулак, обутая нога);

2. при падении с последующими ударами о стол, спинку кровати и пол.

В данном случае это было невыполнимо, так как все повреждения возникли от действия тупых предметов, не оставивших признаков, позволяющих дифференцировать один тупой предмет от другого. И когда я в доступной форме объяснил это, дама, предчувствуя ускользающее адвокатское вознаграждение, просто выплеснулась из приличествующих берегов судебного заседания.

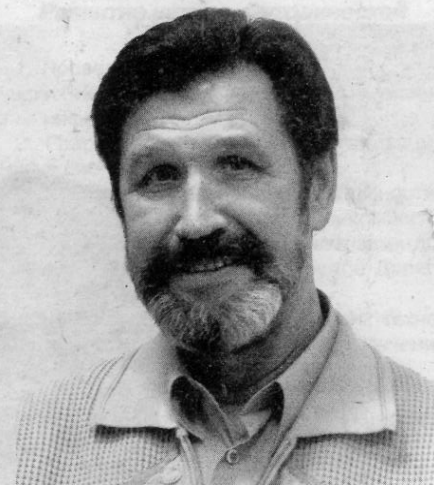
«Что это за эксперт, если он не может установить такой пустяк?» - сорвалась она на крик. - Неужели для разрешения простенького вопроса мы должны вызывать эксперта из Тюмени или Москвы? Как же с такими знаниями он решает более сложные задачи – о причине смерти, например?»

Встать! Суд идёт!

(истории с продолжением)

Только женщины умеют взывать так страстно и долго, с утомительными повторами одной и той же мысли, облакаемой в разные, но непременно обидные слова, задевающие за самые низменные и неуправляемые струны оппонента. В любом женском коллективе имеется парочка дежурных «стерв», которые испытывают личный дискомфорт до тех пор, пока не создадут даже в самой тихой и спокойной ситуации штормовую волну и не доведут начальника или сотрудницу до предкризисного изнеможения.

Защитница подсудимого добилась своего. От шквала обвинений в некомпетентности кровь ринулась, похоже, не только в голову и, я ...потерял самообладание. В таких случаях лучше прервать под каким-либо благовидным предлогом контакт с «фактором риска». Но молодое самолюбие не позволило мне догадаться об этом. Тем более, что судья, кажется, заинтересовалась эмоциональными «доводами» защиты и вопросительно поглядывала на меня. Лихорадочно и под прессингом гневного словоизвержения ищу выход из создавшейся ситуации. Мой взгляд бессмысленно и в который раз блуждал по залу судебного заседания и нечаянно задержался на уже изученном лице неутомимой ораторши, область левого глаза которого украшал цветущий кровоподтёк. Городец был маленький, и для нас не было секретом, что личную жизнь адвокати сожитель периодически укреплял побоями. Ещё не осознав всю низменность экспрессно найденного способа моей защиты, я вклинился между двумя очередными вариациями оппонентши дурацким вопро-

сом: «А вы знаете, чем причинен кровоподтек на вашем лице?». Та опешила от неожиданного вопроса и, не сбавляя набранного азартного темпа, брякнула: «Да, знаю!». И от каверзости свершившегося замолкла. Я воспользовался паузой и спросил зал, не сомневающийся, что синяк причинен кулаком сожителя: «Что можно сказать по этому повреждению о травмирующем предмете?». В зале повисло молчание. Я перешёл в наступление: «Ясно, что этот предмет тупой. Но охарактеризовать его конкретнее нельзя». Аплодисментов не было. Но судья подвела черту, завершающе сказав: «К вам, эксперт, вопросов нет».

Более никогда в жизни я не прибежал к такому гнусному приёму.